

Таня  
Стар

# ФАТУМ



## Аннотация

*Криминальная драма времен существования СССР. Остро обсуждаются вопросы нравственного воспитания, применение смертной казни, психологический аспект совершения убийства. Роман полон драматических событий.*

*В городе N происходит ряд убийств маленьких девочек. Предполагается, что в городе орудует маньяк. Это правдивая история жизни эксперта-криминалиста, который участвовал в раскрытии убийств. Запутанный след выводит детектива на убийцу. Никогда не знаешь, что взбредет в голову социопату со сломанной судьбой. Рожденная в воспаленном мозге месть необычайно страшна. ОДНАКО от судьбы не убежишь!*

# Таня Стар Фатум

*Голод многогранен. Коварное чувство. вскрывает пороки. Голодная кровь, истощив тело, может поглотить добродетель и ввергнуть во зло. Однако, творческий голод пробудит талант и на свет непременно родится гений, которому под силу двигать свежие идеи. Звериный голод — разрушает, а духовный — созидает!*

**Таня Стар**

События, описанные в романе, и его герои являются авторским вымыслом, а все возможные совпадения с реальными фактами и людьми случайны.

## Глава I Многогранный голод

Тьма уступила свету. На заре береговую линию скрыл утренний туман. Озеро серебрилось сквозь клубящуюся пелену и казалось бескрайним океаном. Потап вдохнул полной грудью молочные испарения, чужа кончиками пальцев их липкую сущность. Над серой водой стелющаяся лёгкая

дымка неспешно поднималась, окутывая безбрежное небо паутиной облаков.

Свинцовое озеро создавало иллюзию присутствия сказочных персонажей: леших, русалок и различных водяных духов, спрятавшихся под его толщей, что, несомненно, будоражило воображение. Вода непроницаемая для взгляда тщательно оберегала жизнь её обитателей. В предрассветный час зеркальная гладь всё ещё отражала звёзды. В такую рань Потапу страшно хотелось спать. Угрюмый полусонный рыбак смачно зевнул, что заклинило челюсть, он привычным движением вставил её на место, затем проверил подвижность, комично пошамкав ртом. Удильщик изголодавшийся по рыбалке с жадностью дожидался восхода, который в одночасье отправит всякую нечисть на дно, освободит от гнетущего страха темноты и окончательно разбудит. Дуремар был на седьмом небе от счастья, что вырвался на свободу от ежедневной рутины. Лодка мерно качалась от бесконечного забрасывания удилица. В такие чудные мгновенья Потап ощущал себя младенцем нежащимся в люльке. Если бы не рыбацкий азарт, он сладко уснул бы в этой чудной колыбели. В надежде поймать крупного леща, он без устали следил за поплавком, дёргая удочку в момент его малейшего крена. Воистину наслаждаясь клёвом, он

грезил о наваристой ухе с добавлением водочки, словно в жизни не ел ничего вкуснее.

Яркий луч, коснувшись кристально чистого озера, скользнул по глянцевой поверхности, как конёк по льду, и ознаменовал восход неистовым светом, опалив роговицу глаз. Зрачки заискрились удовольствием, он взглянул сквозь густые ресницы на зарево и гусиные лапки морщин на загоревших висках озарили счастьем дерзкое лицо. Потап прикрыл ладонью карие глаза и, щурясь от ослепительных вспышек на воде, боялся пропустить момент истины — победу света над тьмой. Смоляная черная кудряшка выбилась из-под светлой кепки, желая засвидетельствовать торжество восхода. Шкипер опешил от развернувшегося зрелища и утёр брызнувшую слезу.

Солнечная лучина зажгла багряное зарево. Вспыхнув алой кровью над лесом, кострище обрядило в алые платья, зацепившиеся за шапку леса белоснежные облака, согрело у пылающего божественного очага одинокую душу, испарило предрассветную мглу, отправив в небытие липкий страх темноты. Серебристые всполохи на холодной воде затрудняли слежение за остроконечными поплавками, то и дело, меняя цвет. Солнце выползло из-за горизонта, варварски слепило глаза, поплавки исчезали в его удушающем свете.

Гладь вторила небесным переменам, краснела, желтела, серебрилась, голубела. Потап до безумия любил божественные минуты восхода, краше мог быть только закат. Дрожащее мохнатое зарево золотилось до тех пор, пока бесцеремонное рыжее солнце не поднялось над лесом. В душе поэт, восхищенный Потап на мгновение окаменел, чтобы испить до дна залитую солнцем чашу.

Янтарные и платиновые лилии, сверкая жемчужной росой, комфортно устроились на изумрудных сердцах, обнажив прелести, выставив миру на суждение непревзойдённую красоту. Ценитель природной гармонии не упустил момент коронования водяных принцесс.

Проснувшиеся комары, взяв высокую ноту, противно пищали над ухом, отрезвив услаждавшийся прохладой раннего утра впавший в негу мозг. Муж невозмутимо смахнул рукой присосавшегося к губе вампира, но изголодавшееся по крови насекомое впилося в густую бровь. Насытившись, он перебрался на тёплую щёку. Дёрнув удочку с ушедшим под воду поплавком, Потап ручищей раздавил хрупкое тельце назойливой твари, измазав родной кровью пол лица. В ту же секунду крючок зацепил улов, согнув удочку в три погибели. Крупная добыча не давалась в руки, застряв поодаль от лодки. Предстояло, как следует, повозиться. Он заправски повернул кепку

на сто восемьдесят градусов, чтобы не мешал козырёк и на корточках, не дыша от предвкушения удачи, перебирал руками леску, подтягивая крючок к борту. Мысль о крупном улове возбудила азарт. Почесав вспотевшую макушку, он подвёл рыболовный подсачек под трофей и вытянул на поверхность.

Удивление скользнуло по загорелому лицу в момент, когда показался покрытый тиной мохнатый предмет. Добыча больно не напугала бывалого рыбака. Он снял наплывшую зелень и оторопел. Перед ним словно восстал сам черт из преисподней. Он держал в руках изуродованную человеческую голову. Первая мысль — отбросить находку подальше — сработала за долю секунды.

Плотно закрытые веки, расплуснутый нос, открытый выщербленный рот на гладком как арбуз лице, неожиданно вызвали приступ тошноты. Череп со снесённой макушкой был до краёв наполнен вязкой желеобразной массой, которая стекая, липла к рукам. Брезгливо отброшенная голова покатила по лодке и застряла по центру между сиденьем и дном. Глаз, затянутый катарактой открылся и укоризненно наблюдал из засады. Неожиданный улов поверг рыбака в ступор. От прилива крови в глазах потемнело и, пошатнувшись, он чуть было не свалился за борт. Удочки упали в воду. Плюхнувшись на сиденье, он встревожено оглядел

руки и оторопел, ладони были обагрены кровью. Пальцы склеила вязкая бурая слизь. Перегнувшись через борт, Потап неистово оттирал руки до боли от чужой крови, которая въелась каждой молекулой в кожу. Липкая субстанция не отмывалась, она словно навсегда прикорела к рукам. Обессилив, прежде бравый мужик, свалился от усталости. Дьявольский кошмар сковал мысли, дыхание сбилось, нарушая сердечный ритм. Тяжеловес задыхался. Крепко держась за борт, он наклонился попить, пытаясь восполнить силу. Губы коснулись прохладной живительной влаги, но судно накренилось, и через край стремительно хлынул поток. Не удержав равновесия, Потап кувыркнулся, вода обожгла холодом и перекрыла дыхание.

Неудачливый рыбак, почему-то с полным равнодушием наблюдал за собственным утоплением, словно со стороны. Видел, как тело медленно падало на илистое дно, как в предсмертных судорогах исказилось лицо, как из лёгких вышел огромный пузырь воздуха. И вдруг ему катастрофически захотелось дышать. Он, зажав рот рукой, чтобы не нахлебаться воды, попытался всплыть.

Испуганный до смерти Потап разлепил глаза и увидел мирно спящую на кровати жену. Вернувшийся в реальность, он подскочил, стёр со лба холодный пот, надел стоптанные тапки и,



шаркая по полу, пошёл на кухню. Осушив залпом стакан воды, он сел на табурет, свесил бессильные руки, неподвижно уставился в точку на цветном линолеуме и, не дёрнув ни единым мускулом, пребывал в ступоре, пока жена Лидочка, прискакавшая вслед, не привела его в чувства.

Взъерошенный, в синих семейных трусах в белую полоску он выглядел нелепо словно арлекин. Лидочка злилась, что он разбудил её в неурочное время, её раздражал факт, что она предстала перед мужем босой, в ночной сорочке и в бигуди под косынкой, хотя отлично скроенная с кружевной вставкой на груди и сиреневыми замысловатыми разводами ночная сорочка выделяла стройную фигуру и подчёркивала аппетитную грудь.

Игриво взлохматив рукой и без того торчащие кудри мужа, возмущённая его неопрятным видом, она уложила покладистые взмокшие и растрёпанные волосы в строгую причёску. Он размяк в нежных руках женщины и успокоился, поцеловал хрупкую ладонь, в очередной раз, завоевав преданное сердце. В понятии верной подруги, сотрудник милиции и ночью должен быть аккуратным, форма обязывала в любое время суток соответствовать ей.

Пару секунд жуткого сновидения испортили Потапу, в каком-то веке выдавшийся, полновесный сон. О ночах на собственной кровати были его

мечты, работа украли спокойствие навсегда.

— Опять дурной сон?! — звонкий голос возымел эффект будильника.

Сердце подпрыгнуло к горлу, внутри заклокотала жизнь, окончательно очнувшись от хмурых мыслей, Потап прогудел сиплым басом:

— Угу.

— Что на этот раз? — стянув бигуди, Лида растрепала курчавые пряди, подбила чуб рукой, бросила на себя взгляд в зеркало, и, оценив привлекательность, поспешила поставить на плиту чайник.

Он редко жаловался, держал собственные измышления при себе, и обречённо махнув рукой, выпалил словно дробью из ружья:

— Да ну его в болото! Снится несусветная муть. Я уже забыл про сон. Отстань!

— Может, пора в отпуск?

Лёгкая, как балерина, она резво двигалась по кухне, как гренадёр гремела кухонной утварью: сковородками, кастрюлями, дверками, ножом о разделочную доску, как будто была наготове отправить мужа на исполнение служебного долга в любое время суток, словно и не спала вовсе.

— А кто работать будет? — он отгрызнулся. — Если меня сослать на необитаемый остров, то и там найдут. Нынче голод на ценные кадры, я в большой цене и незаменим, иначе валялся бы дома в мягкой

постели, и не таскался бы по ночам в поиске улик преступлений, оставленных человеческими отбросами.

Лидочка не переживала о работе супруга, она считала, что главная её задача — не обременять мужа домашними заботами.

— Что приготовить на завтрак? Жареную колбасу с яичницей глазуньей? — она мило улыбнулась, потому что знала ответ.

— Отлично! — он голодным взглядом скользнул по тарелкам.

Румяная колбаска, источая аромат жареного мяса, скворчала на луковой подушке, пока не скрылась под яйцами, выпуская клубы пара, словно заядлый курильщик. Кухня наполнилась аппетитным дымком, и у Потапа от голода заурчал живот.

Лида росла в многодетной бедной семье. Восемь старших братьев оберегали егозу от любых дел, родители пестовали единственную красавицу дочь. Кухня была уделом матери, а Лидочка, днями играя на улице с подружками, так и не освоила кулинарию.

Раннее замужество не способствовало формированию хозяйских навыков, она приноровилась готовить незамысловатые блюда на скорую руку. Шустрая и подвижная женщина умиляла мужа своим присутствием. В

благодарность за то, что Лидочке удалось поднять боевой дух и забыть удушающий сон, шалун огладил рукой её круглый зад и направился в ванную. Любитель холодного душа пыхтел под слабыми от отсутствия напора струями воды, насвистывал любимую мелодию.

За время пока жена сервировала стол, Потап привёл в соответствие с уставом свой внешний вид, вылил на бритое до блеска лицо дешёвый одеколон, обтёр душистые руки о китель, чтобы от него вкусно пахло, и пришёл завтракать в полной боевой готовности.

Лидочка, как всегда, оживлённо щебетала, даже птицу заводить не надо. Утром беседа с женой не клеилась, будто уста залепили пластырем. Болтовня была не в характере молчаливого сангвиника. Лида лопотала за двоих, а он верный пёс угрюмо слушал бабский вздор и во всём соглашался. Нельзя сказать, что он её не любил. Любил, но по-особому. Родную жёнушку уважал за то, что ей приходилось тянуть на себе домашние заботы, ведь его днем с огнём не сыщешь при его работе.

Выбранная в юности профессия эксперт-криминалист оставила печать скрытого неврастеника. С виду уравновешенный и праведный, он испытывал приступ внутренней злости, которая высвобождалась во снах. Жуткие

сны, терзающие по ночам, приходили с завидным постоянством уже много лет. От ужасных сценариев боль иголками пронзала тело. Чрезмерно страдая от кошмаров, он думал, что однажды не выдержит бурного сердцебиения и захлебнётся кровью от высокого давления. После пробуждения чёртовы сны не оставляли ни капли здоровой плоти. Тело нестерпимо болело, как у разбитого параличом старика.

Он помнил день, когда эта боль поселилась в нём навсегда. Он был молод и только заступил на должность эксперт-криминалист. Это было первое расследование и выезд на место гибели людей. Казалось, что злосчастный пожар навек сохранится в памяти, лишив его спокойных ночей. Когда он видел на улицах города детей оставленных на милость природы без попечения родителей, в его памяти всегда всплывал незабываемый кошмар. Пожар, случившийся в зимнюю стужу в доме многодетной семьи, навсегда оставил в душе эксперта выжженное клеймо.

В злополучный день дети погодки остались дома одни, когда их мать повезла годовалого малыша в больницу, чтобы просветить рентгеном посиневшую после падения с печи руку. Виной пожара было пламя свечи у иконы Божьей Матери, захватившее тюлевые занавески.

Безжалостный убийца — огонь — унёс жизнь

четырёх детей, оставленных матерью без присмотра. Беспомощные перед огненной стихией, запертые снаружи дети погибли. По великой Божьей милости спасся ребёнок, который был с матерью.

Он не забыл тот день, словно несчастье случилось вчера, помнил каждую мелочь и даже то, как под ногами вызывающе скрипел хрустальный снег. На фоне сгустившейся тишины, на почерневшей от пожара земле, где сгорел дом, из которого раньше всегда доносился детский смех, где только что бушевавший неуёмный огонь задушивший его навсегда, жуткий хруст снега казался непристойным, словно нарушал покой усопших.

Он помнил каждый свой шаг и чёрный снег на многие метры от пепелища. Не забыл сиротливо возвышавшуюся обугленную стену, с трудом напоминающую былой дом, старое покрытое сажей пианино, кособоко свалившееся между сгоревших половиц, закопчённую печь с отвалившейся задвижкой, погребённую стенами железную кровать, проглядывающую закопченной спинкой в груде обгорелых досок. Жуткая картина укоряла взрослых в безответственности, что под кроватью, куда спрятались от пламени огня неразумные малютки, они уснули навечно. В сущем хаосе смерти дети превратились в обугленные головешки.

Образ Божьей Матери не спас от неминуемой гибели.

Запах гари детских тел застрял в голове эксперта, и вытравить его из памяти было не по силам впечатлительному Потапу. Не знал он, что зловещий пожар будет вечно саднить сердце, напоминать о том, как трудно было дышать не от дыма, а от невообразимого горя, от того, что сотворил огонь с маленькими жизнями. Запах горелой плоти так глубоко въелся в подсознание, что спустя многие годы приходил к нему ужасными снами, а при виде оставленных без надзора малышей взбунтовавшееся обоняние мешало жить. Потап считал беспечность главным врагом. Его зlobили безответственность иных родителей. С тех пор при виде резвящихся во дворах малых детей острый запах невольно возрождал в его памяти картину пепелища и несносную гарь. Беспризорники ассоциировались с опасностью и неотвратимой гибелью. Ему хватало пары секунд наблюдений за играющими вдали от дома ребятишками, чтобы трагедия вновь воссоздалась в полном объёме. Сыщик тщетно пытался вычеркнуть прикоревшие в глубинах мозга навязчивые воспоминания, он мечтал вытравить их из сознания, но они упорно всплывали при малейшей неприятности и заставляли задыхаться от мнимого запаха горелых тел, который преследовал

до тех пор, пока подсознание не оставляло обоняние в покое.

Потап возненавидел крепкие морозы и скрипящий под ногами снег, которые напоминали ему о злополучном пожаре. Блестящий снег в лютую стужу усугублял желание стать невесомым и парить орлом над землёй, чтобы не слышать удушающего скрипа, будоражащего чёрные воспоминания.

Со временем боль утихла и являлась в секунды неуловимого беспокойства за маленькие жизни. Но сны довлели с завидным постоянством, мешая встретить утро в добром здравии.

Сытый Потап шагал на работу привычным путём.

Миновав дежурного по районному отделу милиции, старший лейтенант вошёл в свой кабинет. Новичка впечатлили бы музейные стены, но эксперт уже привык к экспонатам. На стендах под стеклом висели орудия преступлений, острые заточки, ножи различных конфигураций, кустарно изготовленные тюремными умельцами обрезы, свидетельствуя о принадлежности кабинета криминалистам, напоминая о том, что жить в социуме небезопасно и на улицах существует жестокость и насилие. В углу кабинета закрытый на ключ стеклянный шкаф хранил инвентарь необходимый при работе с фотоаппаратом:



криминалистические масштабные линейки для фиксации величины предметов, магниты, ростовые линейки, стрелки, лупы, бланки с пронумерованными отпечатками пальцев, наглядные пособия достижений в криминалистике. Там же хранился чемодан эксперта, в котором упорядоченно хранились реактивы, кисточки, магнитная пыль для проявления отпечатков, ножницы, пинцеты различных размеров, карандаши, точные аптечные весы с гирьками разновесами и многие мелочи, облегчающие работу криминалиста. Кабинет был оборудован тематическими стендами по трасологии и баллистике, методикой расследований и исследований документов, письма, речи, папками для ознакомления с различными видами криминалистической фотографии, каталогами видеозаписей, литературой по профилю. Выглядел храм сбора и изучения доказательств, как пособие по обучению криминалистики, позволяя любопытным посетителям ориентироваться в основных направлениях малоизученной дисциплины. На столе аккуратно лежали сложенные папки с уголовными делами. В смежной с кабинетом комнате находилась фотолаборатория, здесь же сушились плёнки и фотографии.

Было очевидно, что в кабинете царила некая вероятностная система. Непосвящённому в

экспертные дела было трудно разобраться в упорядоченном хаосе. В своем деле Потап был хозяин и главный исполнитель. Снимал на фотоаппарат свидетельства преступлений, проявлял плёнки, проводил дактилоскопию подозреваемых. Сутками работал, вечно недосыпал, а времени все равно катастрофически не хватало.

Злодеяния совершались ежедневно, а иногда и по несколько за день. В этом списке преобладали кражи с взломом. Убийства случались крайне редко, чаще всего на бытовой почве. Сон по пару часов в сутки накапливал усталость. Одному Богу известно, как он, неутомимый трудоголик, умудрялся не зашитья в бумажной работе.

Потап обошёл апартаменты, собрался с мыслями, пуская сигаретный дым в открытую форточку. Достал пару папок, кинул на стол и углубился в изучение улик по делу о краже. Он словно провалился в иной мир, где царствуют линии, метки, сравнительный анализ и логические цепочки, пока ближе к вечеру не поступило в дежурную часть сообщение об обнаружении трупа в городском парке.

— Потап на выезд! У нас труп, — скомандовал старший следователь в распахнутую дверь.

Потап взглянул вслед оперу, поднялся со стула, сгрузил инструменты для сбора улик в

волшебный чемоданчик и подумал: «Сон в руку. Чудовищный улов — будь он неладен!» Он уселся в уазик, и опергруппа тронулась в путь, там их ожидал многочасовой нелёгкий труд.

Надвигающаяся темнота скрыла общую картину убийства, но не помешала прибывшей в полном составе следственной группе начать расследование. Место оцепили лентой от любопытных глаз и нечаянной порчи оставленных следов.

Когда перед глазами предстала картина убийства малолетней девочки, жалость и злость перемешались воедино. От удара по голове пушковые светлые волосы слиплись от крови перемешанной с грязью, задранная юбочка открыла взгляду разорванную промежность и искромсанный острым предметом животик. Потап застыл в гневе, лицо посинело, воздух наполнился гарью обугленных тел, он словно вернулся в утренний сон, когда ему катастрофически нечем было дышать. Он не знал, как быть, не то прижать малышку к груди и выплакаться, прося прощения за несовершенство злого мира, или вопить словно раненый зверь или рвать волосы, заставляя себя страдать физически. Но ничто не помогло бы воскресить маленькую безгрешную жизнь. Эксперт очнулся от зловещего скрипа старых деревьев в момент всеобщего затишья. По парку пронёсся гул

перешедший в стон.

Множество синяков удостоверяли, что ребёнок перед смертью был зверски избит. Укромное место с травой по пояс превратилось для девочки в коварную ловушку. Побои на теле дитяти несовместимые с жизнью, повергли крепких мужчин в ужас.

Место свершения тяжкого греха вернуло сердобольного Потапа к тому пожару, где погибли дети. Безответственность родителей снова привела к непоправимой беде. В доказательство их халатного отношения, перед ним лежало застывшее в нелепой позе тело малышки. Эксперта охватило чудовищное волнение, когда труп оказался на расстоянии вытянутой руки, запах горелых тел перекрыл дыхание. Воспалённое обоняние смертельной хваткой сдавило горло. Потап беспомощно закашлялся, ушёл в сторону, выпил таблетку валерианы и вернулся к дьявольски жуткой, но необходимой работе. Затвор фотоаппарата каждый раз выдавал яркую вспышку. Словно сто молний обрушилось на хрупкое тело. Завершив съёмку, он слегка коснулся тела, оно было ледяным. Смерть ощущалась криминалистом своеобразной границей перехода в иной мир.

Как назло заморосил дождь. В свете фонарей чёрные листья деревьев блистали слезами. Крепкие мужчины, не стесняясь, плакали, более тяжкого,

омерзительного и кровавого злодеяния они не видели. На их жизненном пути такое гнусное зверство встретилось впервые. При виде жертвы генетически заложенный физиологический компонент породил осознание конечности существования всех пришедших в прекрасный мир. Вопрос жизни и смерти волновал всех без исключения.

Страх причастных к расследованию людей с каждым мгновением сгущался, зловеще очернял жизнь, он витал в воздухе над каждым. Разъярённые люди молчали о страхе, но коварный испуг выдавал человеческую слабость. Одних тошнило, у других кружилась голова. Причиной страха была реальная или воображаемая опасность. У Потапа страх перерос в ярость, на скулах заходили желваки и он скрипнул зубами.

Растерзанное тельце обнаружила влюблённая пара, искавшая укромное место для любви. Теперь врачи скорой помощи приводили в чувство девушку, сообщившую дежурному о смерти ребёнка, да и её парню досталось немало бесконечно непереносимых, опасных минут.

И только мысль чтобы поскорее восстановить спокойствие, оградить от зла охраняемую милицией территорию и защитить горожан от посягательств на их жизнь, подгоняла профессионалов к немедленным действиям, и они, откинув в сторону

страх, как вредную эмоцию, оставили при себе лишь конструктивный страх обеспечивающий самосохранение.

Сгустившиеся сумерки смазали целостность картины убийства, усложнив работу сыщикам, а точечные лучи фонариков выхватывали фрагменты разбросанных по траве внутренних органов, превращая ночь в фильм ужасов. Невиданная расправа над дитём довела людей в погонах с нормальной психикой до исступления. В голове не укладывалось варварское издевательство. Чёрная ночь скрывала следы, но упорные сыщики, ползая на коленях, искали любые зацепки.

Ей было не больше пяти лет. Смерть окутала её белым саваном, и вырваться из её костистых рук ребенку не удалось. Бог забрал душу малютки в рай, чтобы не испытывать мук. Вырезанные и разбросанные по траве женские органы вызвали стыд за существование жестокости. С проломанным сводом черепа, истерзанная девочка лежала на земле. Золотые серёжки нелепо сверкали в свете карманного фонаря, а нательный крестик в голубой подмышке тоненькой, как у воробья ручки, свисал, извиняясь, что не уберёт от смерти. Мочевой пузырь и почки имели повреждения. На теле не нашлось уцелевшего места.

Ненависть к преступнику захлестнула умы, и неуспокоенная витала в воздухе чёрного леса.

Участникам следствия было нелегко смириться с правдой жизни. Добытые доказательства служили главным аргументом обвинения и стали неотъемлемой частью правосудия.

Изучив на отлично криминалистику, которой более ста лет, Потап мог достоверно установить механизм преступления, извлекая информацию с мест совершения. Собрав доказательства, криминалист оценивал ситуацию основываясь на оставленные следы, вычислял закономерность действий преступника. Приобретённый в кропотливой работе профессионализм, высокая помехоустойчивость, склонность к исследовательской деятельности и логическому мышлению, психоэмоциональная стабильность помогали эксперту в полной мере исполнять служебный долг. Он не жаловался на душевные раны и боль, умело справлялся с переживаниями, не отвлекался на жизненные мелочи благодаря способности длительное время сосредоточиваться на одном предмете.

Потап измазал брюки в скользкий чернозём, превратившийся от дождя в липкий пластилин, словно ищейка он ползал по огороженной территории и фиксировал маломальские следы. Ответственность словно гильотина зависла над его головой, ведь от качества его работы и смекалки зависел исход расследования. Потап был

способный к анализу, синтезу, умело сопоставлял факты и заключал логические выводы. Главная задача эксперта-криминалиста оставалась неизменной — найти следы, доказывающие вину, с их помощью осудить и изолировать от общества опасных преступников.

Откинув сантименты, дока включился в расследование, пытался представить события той ночи, когда насильник и убийца лишил жизни ни в чём не повинное дитя, но душа не знавшая покоя воскресила из памяти воспоминания приносившие ему горечь от несовершенства жизни. Смерть была ненавистна. Чертова работа не принесёт успокоение, пока не вымрут все ублюдки. Изловить их одним махом, чтобы дети не знали слово смерть — утопия. Всякая насильственная смерть отзывалась нестерпимой болью в железном, как он думал, сердце, поднимала давление в сосудах, от чего сильно болела голова, и неделями мучила мигрень.

Количество оставленных следов на месте чудовищного убийства удовлетворило профессиональный голод Потапа, и теперь владея ключом к раскрытию убийства, виновность доказать несложно, но вычислить преступника по уликам гораздо сложнее. Нужен особый нюх или банальная удача. Дело оставалось за следователями.

Больше всего эксперт ненавидел корыстных



ментов, тех, которые не спешили выполнять служебный долг. Дела оставались не раскрытыми чаще из-за беспечности и профнепригодности нерадивых элементов в структуре правоохранительных органов. Потап сожалел, что от него на этапе следствия ничего не зависело.

Намерения насильника не укладывались в общее понятие об убийстве. Ничто не указывало на конкретное лицо, кроме того, что убийство совершил мужчина, из-за наличия спермы на одежде ребёнка. Эксперт предварительно установил, скрывал ли злодей следы, как совершил преступление и, анализируя полную картину, сделал выводы о спонтанности убийства, яростного по воздействию к жертве, и предположил, что совершил его человек с отклонением в психике или настоящий маньяк.

Исследования близились к концу, Потап наклонился над ребёнком, повернул кверху крохотный кулачок и увидел в нём зажатый предмет из чёрной пластмассы. Аккуратно разжав пальцы и изъяв улику, знаток посветил на нее фонариком и установил, что предмет с одной стороны был испачкан клеем. Изучив внимательно форму и обнюхав вещь, криминалист, ковыряясь в памяти, сопоставлял находку с другими похожими деталями и, не выяснив её происхождения, упаковал в специальный пакет. Вопрос без ответа

завис до решения мозгом заковыристой задачи. Уж такой у старшего лейтенанта был склад ума от рождения.

Желание выкурить папиросу приходило к нему в момент сильных переживаний и осмыслений. Поднявшись с колен, копатель глянул на мрачное небо, вынул из кармана пачку «Беломора» с надорванным уголком, ударил ею о ладонь, и вытянул за краешек папиросу, и, размяв пальцами табак, сдул прилипшие частицы, примял с двух сторон и всунул в пухлые губы, зажав между ровными с желтизной от постоянного курения зубами. Обдумывая принадлежность найденной улики, он, чиркнул спичкой о серу, прикурил, втянул дым в лёгкие, утолив никотиновую жажду. Выпустив дым, он словно освободился от горечи утраты, теперь ничто не мешало активной работе мозга, и профи вернулся к размышлениям о вещице, мысленно сопоставляя её с похожими предметами, задаваясь вопросом, откуда взялся кусок пластмассы в руках у ребёнка. Изрядно подымив, он так и не приблизился к ответу, с последней затяжкой заядлый курильщик отложил размышления на потом. Он последний раз взглянул на труп, горечь снова обожгла язык, к горлу подкатился ком от осознания, что глумливая смерть забрала дитя, и он безудержно закашлялся. Словно извиняясь, Потап отошёл подальше от убитой.

Глядя на хрупкое тельце, ему захотелось все бросить и убежать домой, обнять дочь и не отпускать, лечь у ног словно сторожевой пёс и охранять. И, пока он на службе, нет гарантий, что дочь подросток, рождение которой с нетерпением ждал, находится в безопасности. Его ограничения на прогулки по улицам родного города не могли защитить от смерти свободолюбивую девочку, потому что для преступления нет преград. Он был уверен кто, если не он, с его опытом работы, будет стоять на страже закона, исполнять долг перед Отечеством в ущерб своему здоровью. Это его осмысленный выбор. Он рассуждал о том, как жесток и не совершенен мир. Сколько должно пройти лет, чтобы люди превратились в гуманных существ? Воины, голод, стремление к власти, жажда наживы — порождали, и будут порождать зло. Лучшие умы безрезультатно бились в поиске пилюли от зла, и ещё вечность её не найдут. Такова человеческая природа.

Ярый противник беглых осмотров Потап приложил максимум усилий к поиску улик, опасаясь, что ненайденные вещественные доказательства могут не попасть в поле зрения следствия, уверенный, что время затраченное на осмотр места окупится с торицей. Ни стихия, ни предвиденные обстоятельства не свернули бы его с праведного пути. Ползая, он скрупулёзно

прочёсывал руками как граблями высокую траву, сыщик с педантичностью ювелирно упаковывал в стерильные пакеты найденные волосы, кусочки ткани, биологические жидкости, зная, что ошибки и небрежное отношение к доказательствам отправят следствие по ложному пути. Он не отвлекался на разговоры, боялся упустить важные вещи. Соратники, привыкшие к его манере работать в тишине, не цеплялись с вопросами. Потап понимал как никто из присутствующих важность улик, что криминалистика молодая наука, которая постоянно совершенствуется, и появляются новые методики исследований и возможность определить виновного спустя годы. Убийца обязательно предстанет перед законом за совершенное злодеяние, в этом он был уверен.

Каждый раз наблюдательный аналитик, благодаря особому складу ума, погружаясь вглубь проблем, рассматривал мотив, посыл, обобщал полученный опыт. В поиске доказательств опирался на собственные ощущения, выстраивал из фрагментов картину преступления, представлял её обзорной. Опытная ищейка крайне редко ошибался и до тошноты боялся поспешных выводов. Сильный логик желал услышать от оппонентов неразрывную цепь суждений, пошаговый ход доказательств, без потерь важного звена. Он тщательно взвешивал и с трудом принимал слабые

доказательства, терял уравновешенность, если обнаруживал недостающее звено в цепи рассуждений. Недоверие позволяло быть лучшим экспертом.

Пока он изучал место преступления, следователь доложил имя пострадавшей. Ею была пятилетняя Ирина Красикова. Установили личность быстро, проверив списки пропавших за последнее время детей. Данные о похищенном у девочки имуществе, помогли бы при раскрытии мотива убийства, но, к огромному сожалению, похищенных вещей не оказалось.

Установленное судмедэкспертом время смерти ребёнка могло облегчить поиск свидетелей, но их так и не нашли. Снова ночь он провёл на улице под дождём, ползая в грязи ради идеи наказать преступника. Бессонные ночи вошли в привычку. По пути к дому он взирал на окна, их чёрные глазницы напоминали о смерти и он снова погружался в мысли о деталях преступления. Сейчас он пару часов покемарит и вернётся в свой родимый кабинет для восстановления справедливости.

Дело оказалось трудным и запутанным, не поддавалось никакой логике.

У эксперта были надежные однодумцы. Судебный медик, уважаемый друг Потапа, приложил немало усилий, поддержав его в

разработке методики по расследованию убийств с особой жестокостью. Их решение привлекать к таким делам врача психиатрической лечебницы было обоюдным, что помогало составлять психологический портрет хищника и быстрее выявлять психопатов.

Потап проработал более десятка лет в родном городе, приобрел огромный опыт, который позволял вести значимые дела, участвовать при допросах, выдвигать версии. К нему прислушивались, его уважали и даже побаивались. Единственный незаменимый криминалист по уши загруженный работой часто просил начальство дать ему помощника. Нехватка времени выбивала его из жизненной колеи, даже в случае ухода в очередной отпуск работа накапливалась, и разгребать её приходилось самому. Никто не мог выполнить за него работу, требовались специальные знания и опыт.

Убийство расследовали по многим направлениям. В подозреваемых числилось пару десятков лиц, опрашивали соседей, знакомых и родственников. По мнению честного детектива, истинность преступления должна быть признана, когда доказана полностью. Презумпцию невиновности никто не отменял. Без доказательств обвиняемый не должен считаться виновным. Обязательно надо использовать не только судебные

ритуальные формы, но и человеческий разум, а также изъятые при задержании вещественные доказательства: предметы, следы, микроследы, жидкости, орудие. Требовалось исключить самооговор и ошибку следствия. Вещдоки он сверял по правилам криминалистики, и только установив мотив, мог доказать виновность.

Потап вне работы часто думал о мелких подробностях нераскрытых дел. Его восприимчивый мозг трудно избавлялся от аналитических мыслей о недостающих деталях, которые помогали раскрыть спрятанную суть преступления. Мысль как заезженная пластинка, застряв на щербине, надоедливо прокручивала въевшийся эпизод, и мозг освобождался от нее, только когда выпавшее звено в цепочке следствия подкреплялось неопровержимыми доказательствами.

Рассуждения о куске пластмассы взятом из руки малышки возвращались к неутомимому мыслителю с завидным постоянством, и будут в его голове до тех пор, пока он не решит уравнение с двумя неизвестными членами.

Потап придерживался одной из теорий с первых шагов в сыске и считал, что преступление знатного человека гораздо опаснее того, которое совершил простолюдин, потому что одно и то же наказание воспринимается по-разному. Бесчестье

не напугает человека с репутацией идиота, так же как штрафом не запугать богача.

## Глава II

### Сад

Пробасил звонок возвестивший о школьной переменке, учащиеся раскатились по двору как сентябрьские арбузы с грузовика тормознувшего на светофоре. словно гомон чаек на рыбьем пире шумело многоголосое царство, щебет девчонок выбивался из общей песни, каждая старалась перекричать всех и вся. Гул заполонил все дворовое пространство, и как щупальца спрута распластался за её пределами. Мальчишки гоняли мяч, дрались, состязаясь в борьбе, девочки прыгали на скакалке и на резинке, играли в классики, оттачивая мастерство, заигрывали с мальчишками и визжали, когда те дёргали за косы. Счастливая детвора носилась до седьмого пота, успевая в короткий срок победить видимых и невидимых врагов, посплетничать, перекусить и доучить урок. Учебный год только начался. Дети обменивались впечатлениями от каникул.

Удушающее лето слало приветы сентябрю тёплыми деньками. Солнце цеплялось лучами за кудрявые облака, сбившиеся в стаю. После захода солнца с каждым прожитым днем все явственнее



ощущалась осень прохладными ночами.

Несколько школьниц в коротких платьях с белоснежными кружевными воротниками и накрахмаленных фартуках, с пышными бантами в волосах, отбиваясь от назойливых мальчишек, убежали подальше от порога школы. Они спешили уединиться от любопытных глаз шумного стоголосого царства во фруктовом саду. Перебивая друг друга, они тараторили, смеялись над неказистыми мальчишками, не заметив, как нестройная тропинка привела их к высокому плотному деревянному забору. Чтобы попасть в сад через калитку, осталось пройти полсотни шагов. Переменка, длиннее прочих на четверть часа, предназначалась для обеда. Дружно игнорируя школьную столовую, они прихватили бутерброды и охотно лакомились на свежем воздухе.

Школьный сад как наглядное пособие демонстрировал людям искущённым природой своё великолепие. Сад во все времена года выглядел потрясающе красивым. Его любили все от мала до велика, в нём скучали одинокие, им любовались, его рисовали, за ним ухаживали школьники на уроках труда. Словно живое существо, сад алчно впитывал увесистыми ветками движение жизни, добывал крепкими корнями информацию бытия, ежегодно плодил фрукты и бахвалился щедрыми дарами, заманивал в гости сластён. Жизнь

уцелевшего после войны сада текла по строгим законам смены сезонов, только природе было подвластно менять их очередность. Сад многое повидал на своём жизненном пути, поэтому он угрюмо молчал о происходящих событиях, а люди не боги, они могли стереть память древ, только вырубив свидетеля истории под корень.

По красоте сад зимний не уступал саду весеннему. Его могучие корни дремали под снежным одеялом, а серебристая мантия охраняла от холода ежегодный прирост. В лютую стужу деревья надевали на остов махровую шапку, а ледяной дождь в наказание за излишнюю наготу заковывал деревья в панцирь. Прогибаясь под тяжестью прозрачного платья, деревья не утрачивали изящества линий. В ясные солнечные дни сад облачался в алмазное кольцо, сверкая бриллиантами, он представлял себя непревзойдённой по красоте Снежной Королевой на бале невест.

С приходом весны сад вспыхивал неуёмной страстью к жизни, возрождался после зимней спячки. Насыщаясь влагой из недр матушки земли, сад набухал почками, взрывался фейерверком бутонов, и сладострастно благоухал миндальным ароматом лепестков. Утопая в нежно-розовом цвете, проказник намеренно источал многообразие запахов, завлекая в свои сети насекомых.

Обескураженные душистостью цветов пчелы хором жужжали, радостно купаясь в их чреве. Неутомимые шмели, наслаждаясь карамельной сладостью пыльцы, превращали сад в живое существо. Сад, соревнуясь с детворой шумел, кто кого перекричит. Влюблённые целовались под сенью сирени, слушая пение соловьев. Старые деревья шершавой корой впитывали энергию любви и безмолвно хранили память о первом поцелуе долгую древесную жизнь. Акации, прописавшиеся на жительство в саду, отвоёвывали пространство сообразно иерархии, хотя на первый взгляд мирно сосуществовали с фруктовыми деревьями. Неистово цветущий и волнующе-сексуальный весенний сад жаждал плодоношения. После зимы в нём просыпалась кипучая энергия, безумная сила и могущество.

К лету пресытившись солнцем, дождями и ветром сад наслаждался спокойствием, радовал пришедших в него первыми плодами. Детвора слеталась со всей округи, залезала на ветки и уплетала за обе щёки с дивным вкусом шелковицу, перепачкав одежду, руки и рот в чернильный цвет. К середине лета поспевали сладкие как мёд абрикосы, сахарные белые сливы и крупная радужная черешня.

Осенью райский сад искушал янтарными яблоками, которые к концу осени дозревали до

рубинового цвета. Заманивал вернувшихся с каникул школьников спелыми грушами, стоило лишь поднять их с земли, чтобы насладиться вкусом дюшеса. На переменах детвора набивала полную пазуху яблок, а затем на уроках хрустели неутомимые челюсти. Учителя сквозь пальцы смотрели на жующую детвору, они видели в этом только пользу.

Ближе к зиме сад желтел и краснел, торопливо менял яркую одежду на драное платье Золушки. Скоротечно лысея, он обнажался, открывая взору хитросплетения ветвей, беспробудно засыпал под цветастым шелестящим пледом. Смерть его была упоительно изящной. Глубоко проросшие корни сохраняли ему жизнь до следующего возрождения, чтобы весной вспыхнуть яркими красками.

Девочки приблизились к саду, ускорили шаг, чтобы набрать яблок. Рыжеволосая бестия с озорными рыжими конопатками рассказывала длинноногой смуглянке:

— Я вчера смотрела по телевизору передачу, в которой показывали, как сделать ежа из яблока. Очень интересно. Я хочу его сделать.

— И я смотрела передачу, и мне понравился ёж. Давай вдвоём сделаем.

— Я даже перо для чернильной ручки принесла, чтобы вырезать иголки.

— А у меня нет телевизора, — пожаловалась

пампушка.

— Давай нарвём яблок и сделаем много ежей. Это совсем просто. Я научу. Надо взять перо и обратной стороной выкрутить в яблоке дырку, вынуть вырезанную мякоть и вставить её обратной стороной в образовавшееся отверстие. Такой ёжик красивый получается, супер!

— Я тоже хочу сделать, — малышка с ровной чёлкой нетерпеливо тянула за руку худощавую с бантом на макушке, чтобы обогнать всех и поскорее набрать в саду заветных макетов для будущих ежей.

Группа дошла до середины забора, ограждающего сад. Возглавляющая процессию девочка резко остановилась, увидев в нескольких шагах бесстыдную картину. Девочка прижала ладони к лицу, в ужасе повернулась к подружкам и, тыкая пальцем, указывала на дыру в заборе от выбитой наполовину доски, там торчали мужские гениталии. Сквозь тонкие щели штакетника вырисовалась мужская фигура. Напуганные девочки судорожно зажали ладошками рты не то от страха, не то от смеха и, завизжав, побежали к школьной двери. Вдогонку они услышали вожделенный возглас. Мужскую плоть они видели впервые, и что делать с новыми познаниями не знали. Запыхавшись, растерянные остановились как вкопанные. Осознание увиденного действия

парализовало детский ум. Переглядываясь, ученицы приводили в порядок мысли, пошептавшись, они вскоре отважились рассказать о случившемся учителю физкультуры, посчитав его самым подходящим защитником.

Сан Саныч нравился всем детям без исключения. Сильный и справедливый учитель внушал доверие. Только такой мужчина смог бы защитить их. Открыв дверь кабинета, дети вошли и, переминаясь с ноги на ногу, не знали с чего начать. Физрук почувствовал напряжение.

— Здравствуйте! Ну, что мои золотые, заходите? — он махнул рукой приглашая переступить порог кабинета. — Что случилось?

Весьма трудная задача озвучить и объяснить учителю то, с чем столкнулись девочки первый раз в жизни. Они не знали норма это или преступление, то, что сейчас видели за школьным забором. Каждая хотела, чтобы разговор начала ни она. Они топтались у входа, переминаясь с ноги на ногу, и почти хором ответили:

— М-м, — и хором умолкли.

— Зачем пришли? Ну, кто первый осмелится озвучить?

— Здравствуйте, Сан Саныч! — хором ответили девочки.

— Там в саду странный дядя, — осмелилась рассказать длинноногая с бантом на макушке

староста, но замешкалась и от стыда потупила голову.

— Что случилось? — взволновался физрук.

— ...глупости показывал, — покраснев, выкрикнула обсаженная конопушками девочка.

— Какие глупости? — физрук занервничал, почуяв неладное дело.

— Стыдно об этом вам рассказывать, — девочка с чёлкой во весь лоб прыснула от смеха, прикрыв ладонью губы.

Физрук оценил всех взглядом, насторожился, что не понимает их жалобы. На всякий случай спросил, не разыгрывают ли они его. Увидев взволнованные, покрасневшие до корней волос лица, решил пойти с ними на школьный двор, чтобы понять, в чём дело.

— Ну, пошли, братцы, покажете, что случилось и где. Все пойдёте?

— Да! — хором крикнули они.

Завернув за угол школы, девочки указали на дыру в заборе. Догадка обожгла лицо словно крапива, и он покрылся стыдливými пятнами. Учитель запретил детишкам следовать за ним, не дав неокрепшим умам подвергнуться повторному страху, приказал девочкам ожидать его у входа и позвать на помощь второго физрука.

Не было времени разрабатывать стратегию, бравый защитник обдумал тактику на ходу.

Добежав до середины забора, Сан Саныч приостановился, чтобы не спугнуть негодяя, подкрался к выщерблене и наткнулся на бесстыдно выставленный мужской половой орган. У него даже во рту пересохло от бесстыдства не прошенного гостя. Атакуя, поджарый воин почти ухватил мужика за фаллос, но тот успел ретироваться, натянул штаны и побежал вглубь сада. Учитель посмотрел в дыру, чтобы запомнить внешность, но густая листва спрятала спину, нахал бежал только пятки сверкали, изворачиваясь от веток яблонь, драпал как угорелая кошка, прогибаясь под колючками абрикоса. Серая одежда маскировала его в густых ветках деревьев, а толстые стволы прятали тщедушное тело. Он, не слыша ног, порхал по земле.

— Надо в милицию сообщить, пусть разбирается, куда определить дурака: в психушку или тюрьму, — подумал ошарашенный поведением эксгибициониста физрук.

Чтобы не потерять его из виду, Сан Саныч влетел в калитку, упуская золотое время, остановился как вкопанный болван, затих на мгновенье, чтобы определить направление убегающего нарушителя и, не обнаружив след беглеца, пригладил взъерошенный смоляной чуб, чтобы привести мысли в порядок. Скоро в глубине сада раздался треск сломанной сухой ветки. Физрук



побежал в сторону шума.

Ветви стегали вспотевшее лицо мужественного охотника, сухие листья разлетались из-под белых кед, не чувствуя боли он слышал гулкий стук здорового сердца, раздвигая ветви руками, он чётко понимал, что теряет из виду шустрого парня. Сад словно ополчился против физрука, укрыв беглеца ветвями. Торчащий корень старой яблони подставил подножку, учитель распластался, содрав до крови кожу на плече о корявый ствол. Физрук чертыхнулся, стыдливо оглянулся, нет ли поблизости детей, вскочил на ноги и вдруг, сад расступился, Сан Саныч ухватил боковым зрением щуплую спину в ветровке. Враг улепетывал, перемахнув высокий забор, был таков.

По другую сторону забора физруку открылся мирно живущий перекрёсток, по тротуарам гуляли люди, машины спешили проехать на зелёный свет. Сан Саныч метался от одного прохожего к другому с вопросом, куда делся мужчина, в лёгкой куртке серого цвета прыгнувший через забор. В ответ пожимали плечами, не понимая, о ком идёт речь. Мерзавец растворился в пространстве.

Удручённый физрук оббегал близлежащие дворы и улицы и вернулся в школу, чтобы по-отечески успокоить девочек, предупредить об опасности, запретить посещать сад без взрослых. К концу подходил последний урок. Сан Саныч

позвонил в милицию и сообщил о чрезвычайном происшествии.

Для милиции полученные данные в свете прошлых событий не были пустой болтовней. Люди по-прежнему боялись за детей и не отпускали их без присмотра на улицу. Милиция подробно опросила школьников и учителей, стараясь выяснить как можно больше о нарушителе спокойствия.

\* \* \*

Ночь — время его охоты за яркой вспышкой сексуального удовольствия. Неконтролируемые желания изменили его привычки. Чёрные ночи наскучили, антенщик мечтал видеть лица своих жертв. Похоть довлела над сознанием и, самоутвердившись, сильнейший самец вождеделел признания, ему надоело быть в тени. Напуганные женщины удовлетворяли эго. Минуты скоротечного счастья наполняли смыслом его трудную и одновременно скучную жизнь. Мысль заменить мгновение чистого удовлетворения банальным грязным сексом не казалась удачной.

Эксгибиционист отслеживал жертву, его похотливые мысли были только о ней. Стоило женщине взглянуть на его крепкий обнажённый детородный орган и отреагировать страхом, как его душа возносилась от удовольствия. С каждой

удачной охотой его уверенность в том, какой он сильный и значимый самец, крепла. В погоне за усладой половозрелый юнец часами выжидал вожделенного момента.

Не владея определённым понятием о законности своего пристрастия, он обнажался перед слабым полом, испытывая яркие ощущения, блаженствуя, он доли секунд пребывал в нирване, а затем освобождался от сладострастного напряжения эякуляцией. Ему в голову не приходило, что он творит противоправные непристойные вещи.

Бывало, что за испытанное удовольствие, непугливая женская особь грозила оторвать ему хозяйство — это было самое большое наказание за всю историю походов. Вылазки заканчивались максимальным удовлетворением, жертва с криком убегала, он ублажённый с чувством собственной значимости шёл спать.

Будучи ребёнком, бегая в сад, чтобы насытиться сладкими фруктами, пострелёнок изучил каждый кустистый закоулок. Сад открыл ему путь к невиданному ранее наслаждению, такому же сладкому, как и его плоды. Очередная охота в осеннем саду на девочек оказалась неудачной. Впервые его преследовали.

Краем уха уловив лёгкое движение, он глянул в щель и отскочил в сторону от крупной волосатой

руки покусившейся на его оголённую плоть. Узрев опасность от крепкого мужика с накачанными мышцами, голый мужик в одно мгновение натянул штаны, и от страха перед расправой, кинулся бежать во все лопатки.

Трус по натуре, пережив опасность каждой клеткой, вдруг осознал, что сотворил нечто мерзкое, не укладывающееся в общее понятие поведения людей. В сердце разросся страх перед самцами, которые начнут на него охоту и ему не поздоровиться. Слабаки не такие превзойдённые мастера эрекции как он, могут и убить.

— И вот, на тебе, облом! — он отчаялся.

Сердце бешено колотилось. Его задушил адреналин из-за опасения быть пойманным. До сих пор ему удавалось прятать свое неказистое лицо за плотным забором, в крайнем случае, изучив пути отхода, тонкогубый шпион виртуозно маскировался в кустах. Ночь была его охранником. Ужас перед расправой, как цепями сковал тело. Ноги не слушаясь, передвигались с диким усилием, ему казалось, что он, как в замедленном кадре, стоит на месте.

Хорошо тренированный физрук гнался по пятам. Спасительные минуты привели его в укрытие, которое никто не найдёт. Прибежище выблядок присмотрел заранее, чтобы в случае опасности было куда исчезнуть. Заячья натура

знала тропы из любой засады. Бег стимулировал мыслительные процессы. Сматываясь, напуганный лось не разбираал препятствий. Молодость, гибкость и время были на его стороне. Помутившийся от вожделения разум допустил оплошность, не просчитав, что дневное время для необычного пристрастия опасно. Жажда сексуального удовольствия правила его сознанием, похотливый юнец злился, что не мог контролировать и сдерживать эмоции, не представлял жизнь без наслаждения. Женщины, страшась обнажённой плоти, были его слабостью, через них щенок самоутверждался.

— Днём стрёмно ловить кайф в школьном саду. Зачем пошёл? — стучался вопрос в его пустой голове. — Столько мест вокруг, зачем глупо светиться? Больше не пойду.

Он пересёк большую часть сада, обернулся и заметил, как экс баскетболист упал, увеличив его шанс на спасение.

— Проклятые девки! Это они виноваты. Противные ябеды натравили учителя на меня. Оторвать бы им косы... — с ненавистью в сердце нёсся без оглядки злобный мститель.

С лёгкостью акробата перескочив через забор, обманщик нагнул, имитируя завязывание шнурка на пыльных кедах, снял куртку, оставшись в белой с грязным воротником рубашке, вынув из кармана

кепку, натянул на лоб, и быстрым шагом перешёл проезжую часть. Не суетясь, умелый маскировщик затесался среди людей на оживленном тротуаре, не привлекая к себе особого внимания, невидимкой проскользнул в подвальное окно многоэтажки, прикрыв изнутри приготовленным деревянным щитом. Опасность миновала.

Опираясь ладонями о колени, каналья восстанавливал сбившееся дыхание, искривлённый нос сморщился в гармошку. От интенсивного бега в пересохшем рту язык приклеился к нёбу, лёгкие ходили ходуном, сердце стучало в висках. Сглотнув, кривозубый беглец ощутил шершавое горло. Утихомиривая растрёпанное сердце, скакун задержал дыхание, как загнанный зверь прислушался к шороху, а затем медленно выдохнул. Страх не отпускал парализованные мысли, лубочный не знал, что ему дальше, предпринять. Безысходность пугала, на время выбив его из колеи привычной жизни.

Притаившись, как мышь, гунявый тип долго возвращался к действительности, ругая себя за искушение к невинным школьницам. Каждый раз бесстыдный фантазёр запрещал себе думать о маленьких девочках, и последняя выходка чуть не стоила ему обличения. Желание привлечь внимание юных нимф появилось после того, как на пути встретилась девочка мечта, и жажда выставить себя

сильным самцом удвоилась.

Посетив в очередной раз богатый урожаем школьный сад, сластолюбец в момент наступившего искушения напрочь позабыл о запрете. Его животный инстинкт, как голодный волк, жаждал насыщения свежей кровью и признания сильнейшим среди соперников.

Отдышавшись в глубине обветшалого подвала, вымотанное до предела животное упало без сил на заготовленное им для ночлежек старое одеяло, уснув до утра. Пока не стихнут волнения в школе, он не покинет убежища. Сластолюбец часто оставался в сырой конуре, особенно когда в доме матери его ожидал скандал.

## **Глава III**

### **Смерть им**

Небо обложили чёрные тучи. Ветер гнал пожухлые листья и закручивал в смерч. Нордический вихрь подхватил чёрный плащ, судорожно вытряхнул из него Бориса. Сопrotивляться было бессмысленно, крепкий малый с трудом удерживался на земле, осознавая, что как только ноги оторвутся от твердыни, ураган могучим порывом поднимет его ввысь. Предчувствие не обмануло.

Крутящийся серый гигант, извиваясь змей,

обрушился хищным объятием, поднял его словно пушинку на тысячи миль над землёй. От невообразимой высоты закружилась голова. Вынырнув из чёрных туч, минуя густой и мокрый туман, его взору открылся вселенский простор. Белоснежные горы с тёмной бездной предгорий, в которых клочкотал раскатистый гром, захватывали дух, сердце бешено колотилось при мысли о смертельном мощном разряде ослепительной молнии. Пряча голову под рукой, как гусь в ненастье под крылом, его шея с каждым ударом грома втягивалась в плечи.

Осмелев, он вкушал масштабность бушевавшей стихии, блуждая пёрышком по небесам. Грёзы детства парить над облаками, зелёными равнинами и цветущими лугами была не сопоставима той картине, которая предстала пред ним, и крайне отличалось от мечты. Искрящие молнии под ногами, бескрайний синий простор, белоснежные горы под жгучим солнцем явились ему фантастическим зрелищем. Головокружительный смерч нёс его над искрящимся от жаркого солнца взгорьем и выронил в тёмную пропасть, когда ослабла железная хватка. Он стремительно падал, цепляясь за облачный кисель и, когда в опасной близости прогремел стоголосый гром, оглох как при взлёте самолёта. Барабанные перепонки как гитарные струны вмиг



завибрировали и чуть не лопнули. Десятки раз смерч жонглировал его телом, держа крепким объятием, поднимал на белоснежные вершины и ронял в бездонную пучину. Последний раз, миновав грязно-молочный пудинг облаков, он все ж упал на землю.

Солнце осталось в плену туч. Когда он очнулся, то увидел в облаках циничный оскал, на судорожном лице начертались зловещие брови, означились молнии в искажённых глазах, во рту зубастого дьявола клокотали яркие вспышки, разросшийся до краёв туч лик насмехался громовым раскатом над человеческой слабостью и ничтожностью. Неожиданная встреча с сатаной повергла Бориса в шок, он почувствовал себя песчинкой во Вселенной. Тело неприятно покрылось гусиной кожей от мурашек, волосы шевелились от издевательского смеха, вражий лик пугал, навсегда похоронив в нём бесстрашие. Седьмое чувство подсказало, что чудовище жаждет смерти. Догадка окатила спину холодом.

— Это сама смерть пришла и издевается, — размышлял он на последнем издыхании.

Он смотрел смерти в лицо и осознал, что она зубатая выглядит именно так, и не иначе. Борис зажмурился, прогоняя навязчивый образ, заткнул пальцами уши, чтобы не слышать разбушевавшуюся тварь. Взмокший от страха, он

открыл глаза и увидел до боли знакомые алые плафоны люстры и безобразную бородавчатую сыпь на потолке, как напоминание о наводнении с верхнего этажа.

Борис откинул одеяло, подхватился, чтобы отключить пронзительный звонок, который сам заглох на последней ноте. Взволнованное дыхание восстановилось, хозяин закопчённого чайника сунул его по наитию на замызганную плиту в закутке комнаты. Он жил в общежитии, и старушка плита спасала яичницей от голодной смерти после ночного дежурства, но чаще служила для обогрева в зимний сезон. Посвятив жизнь работе, холостяк не заметил, как втянулся в непосильный ритм, поэтому на приготовление еды времени было в обрез.

Раздосадованный кошмарным сном «Пинкертон» выглядел неважно и, прикурив от зажжённой спички, сел, оперев голову о ладонь. Бессонные ночи давали знать тёмными кругами под глазами на молодом лице. Раздумья об изувеченном трупе девочки являлись к нему ядовитыми снами, укоряя следователя в неопытности. Спать спокойно, пока преступник не пойман, не дозволено. Искушённый трудным уголовным делом, Борис размышлял о вечном, о грехе и возмездии, не усмотрев, как набросал в гранёный стакан с чаем полдюжины ложек сахара. Вкус чая походил на

варенье. Подсластив настроение, бодрый сыщик собрался на работу, и выскочил из спартанского уютного жилища, рассчитывая за полчаса добраться пешком. Дождь не прекращался всю ночь, и когда он, перескакивая через ступеньку, выбежал из подъезда, на него обрушился стеной ливень. В непромокаемом плаще ему любые преграды были нипочем, а вот мент с зонтиком казался Борису посмешищем. Нескончаемый водный поток превращал лужи в озера, Борис ловко перепрыгивал с одного островка суши на другой, и подгоняемый ненастьем, добрался на службу быстрее обычного.

Борька с детства грезил машинками, конфетами, кино, мультиками и футболом. Детские мечты младшего лейтенанта Бориса Кабанова пропали, когда его взяли на работу оперуполномоченным уголовного розыска в районный отдел милиции сразу после армии. Багаж знаний пограничника помог коренастому всегда аккуратно выстриженному брюнету с зелёными глазами сканировать пронизывающим взглядом людей как рентгеном. Его жизнеутверждающая казацкая кровь наделяла его силой и необыкновенной гибкостью ума. Благодаря пропорциональной фигуре с длинными ногами его рост казался выше среднего. Нагайку бы ему в руки и курчавый чуб из-под картуза и казак в точности

походил бы на киношного борца за правду.

Бесстрашие воспитали дворовые сражения, а чувство справедливости было у него в крови. Играя с ровесниками в детективов, мальчишка так увлекался, что не замечал времени до темноты. Врождённая интуиция подсказывала ему, где прятались надуманные враги. Фильмы и книги о сыщиках взрастили дедуктивное мышление, логика и любознательность достались ему с генами от прадедов. Сыскарь по природе безошибочно предугадывал развитие событий в очередном детективном романе и определял злодея с первой главы. Изощённость преступных мыслей шокировала, и честный юноша не переставал удивляться многообразию злых умыслов и, взрослея, все меньше доверял окружающим людям. Умница решил, что когда станет хитрее и сильнее жестоких людей, то очистит мир от недобрых и алчных особей. Осознанный выбор профессии был для него очевиден.

С момента обнаружения трупа с признаками насильственной смерти, исполнительный Борис выдвинул, как его учили в школе милиции, две версии: убийство и казус, исключив как очевидное самоубийство и естественную смерть. Следователь наметил пути поиска. Аномальное поведение убийцы ещё не доказывало, что перед сыщиком предстанет психически неуравновешенный тип.

Нельзя было исключить вероятность маскировки убийцы под маньяка.

Личность девочки установили без особого труда, но обстоятельства убийства остались нераскрыты. Дело о предполагаемом маньяке не выходило из головы и, потратив бесчётное количество сил и времени, добывая любые пригодные сведения, пытливый мозг впадал в отчаяние.

Небольшой опыт работы в органах милиции мог закончиться для Бориса сразу после выезда на место убийства ребёнка, из-за неподвластного желания немедленно сбежать от вида кровавой расправы над невинной жертвой.

Не примиряясь с человеческой жестокостью, малоопытный младший лейтенант с трудом пересилил страх. Его рвало четверть часа, пока не пошла желчь. Казалось, что скоро хлынет горлом кровь и желудок вылезет наружу. Сердоболезный по натуре, он не одолел точившую душу жалость и неуправляемую ненависть. Только когда ожесточение к мерзкому злодею, совершившему насилие, ушло на второй план, он, преодолевая тошноту, приступил к обязанностям следователя, и поклялся, что не уйдет из рядов милиции, пока из-под земли не выкопает уroda надругавшегося над малюткой.

Борис твердо знал, что раскрыть убийство без

проведения качественной оперативной работы крайне трудно, и что нельзя строить обвинение на слухах и анонимках. Не щадя сил и времени, он провёл немислимое количество опросов, допрашивал подозреваемых, но виновного найти не удалось. Расследование затянулось.

Он как следователь ставил перед Потапом много лишних задач и вопросов и считал лучше больше, чем меньше. Ведь это на нём лежала ответственность за вопрос, как же произошло убийство? Сколько человек причастно к насилию?

В городе схожих преступлений не было, но на всякий случай, милиционер подал запрос в главк.

Борис обладал рациональным мышлением и хорошо ориентировался в окружающей действительности, трезво оценивал обстановку. Даже недавнее зверское преступление, не казалась иллюзорным, в его представлении картина убийства была слишком реальной и преступник настоящий.

Следователь, не видевший перспективы в любом действии, без сожаления избавлялся от того, что нельзя применить на практике, если не имел достаточных аргументов в конечной пользе.

К концу третьей недели расследование угасло. Оно не остановилось, просто зашло в тупик. По базе данных преступника не выявили. Рутинная работа по опросу свидетелей не дала результата. Никто ничего не видел. В милиции по утрам